

Научная статья
УДК 343.26
EDN ZOFDJC
DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.99-109

Подростково-молодежная преступность в системе угроз национальной безопасности

М.А. Сутурин

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
mialsu@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается одна из наиболее актуальных проблем современного российского социума — проблема обеспечения национальной безопасности. Именно обеспечение высокого уровня защищенности общества, государства, человека является условием прогрессивного развития любой нации. В работе последовательно рассматривается определяемый на доктринальном и законодательном уровне спектр угроз существования российского общества в контексте обеспечения одного из видов национальной безопасности — криминологической безопасности. Особое внимание уделено подростково-молодежной преступности, как определенному самостоятельному объекту криминологических исследований. На основе изучения результатов исследований, проводимых отечественными специалистами в области криминологии, социологии, психологии, предлагается рассматривать преступность несовершеннолетних и преступность лиц в возрасте от 18 до 25 лет в качестве единого объекта и вести речь о частной криминологической теории.

Ключевые слова: национальная безопасность, подростково-молодежная преступность, криминологическая безопасность, несовершеннолетний, уголовно-правовое воздействие.

Для цитирования: Сутурин М.А. Подростково-молодежная преступность в системе угроз национальной безопасности / М.А. Сутурин. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.99-109. — EDN ZOFDJC // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 2. — С. 99–109.

Original article

Adolescent and Youth Crime in the System of National Security Threats

M.A. Suturin

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, mialsu@yandex.ru

Abstract. The article deals with one of the most relevant problems of the modern Russian society — the problem of ensuring national security. The guarantee of a high level of security for the society, the state and the individual is a prerequisite for the progressive development of any nation. The author examines a range of threats to the existence of the Russian society, defined at the doctrinal and legislative levels, withing the context of ensuring one type of national security — criminological security. Special attention is paid to adolescent and youth crime as a specific independent object of criminological research. Having studied results obtained by Russian researchers in the fields of criminology, sociology, and psychology, the author suggests that crimes committed by adolescents and young people aged 18–25 should be treated as one object within a special criminological theory.

Keywords: national security, juvenile delinquency, criminological security, juvenile, criminal law impact.

For citation: Suturin M.A. Adolescent and Youth Crime in the System of National Security Threats. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 2, pp. 99–109. (In Russian). EDN: ZOFDJC. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.2.99-109.

Объективные условия существования общества, современный социальный уклад и, в определенной мере, социальный ландшафт эпохи, закономерно бросают вызов системе социальных отношений, обществу и государству. В ситуации геополитической турбулентности, сложности прогнозирования ситуации и, подчас, неочевидности социальной обстановки, мы (человек, общество, государство) сталкиваемся с новыми рисками, критическими факторами, представляющими реальную угрозу нормальному функционированию общественных и государственных институтов, жизни обычного человека.

В связи с этим, государство принимает вполне закономерные и жизненно необходимые меры для обеспечения достойной и безопасной жизни человека, обеспечения нормального (с точки зрения соответствующего различного вида социальным нормам) функционирования общественных и государственных институтов. Так, в частности, на уровне нормативного обеспечения, принят и реализуется Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где в п. 5 содержится следующее понятие: «Национальная безопасность Российской Федерации — это состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и

свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны».¹

Кроме того, приняты и реализуются Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

В определенном сегменте, вопросы обеспечения национальной безопасности (в широком понимании), получают отражение в федеральных законах. Например, в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и т.д.

Как мы видим, даже исходя из весьма лапидарного анализа нормативно-правового обеспечения, существует достаточно большой спектр реальных и потенциальных угроз национальной безопасности. При этом, одни достаточно традиционно классифицируются по различным критериям. Специалисты в области изучения актуальных вопросов

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечения национальной безопасности, по критерию источника, например, выделяют «внутренние» и «внешние» угрозы. Рассматривая сферы, которые требуют повышенного внимания с позиций обеспечения национальной безопасности, выделяют экономическую, политическую, экологическую, продовольственную и т.д. безопасность.

Так, например, известный специалист в области теоретических и практических вопросов уголовной и уголовно-правовой политики Босхолов С.С. выделяет несколько относительно самостоятельных и конкретных видов \ блоков, в совокупности составляющих категорию «национальная безопасность». К таковым он относит: безопасность личности; государственную безопасность; общественную безопасность; военную безопасность; экономическую безопасность; информационную безопасность; продовольственную безопасность; экологическую безопасность; безопасность в сфере образования и науки; культурную безопасность; национальную безопасность в сфере здравоохранения; международную безопасность. Кроме того, автор, в качестве относительно самостоятельного блока, в контексте обеспечения национальной безопасности, рассматривает коррупцию [1].

Говоря об угрозах национальной безопасности, в экономической, социологической, политологической, криминологической литературе также идет речь о деградации человеческого потенциала, снижении уровня образования и культуры, разрушении традиционных морально-нравственных основ и распространении маргинальных ценностей, негативного влияния на общество миграционных процессов и т.д. [2–12]

В этой «палитре» угроз национальной безопасности особое место зани-

мает преступность во всех ее проявлениях. Преступность, как определенное социальное явление, априори влекущая за собой вредоносные последствия и ставящая под угрозу причинения вреда наиболее значимым общественным отношениям (жизни, здоровью, общественной безопасности и порядку и т.д.). Преступность, которая статистически выражается в совокупности преступных деяний и обладает общественно опасным потенциалом в степени способной подорвать нормальное функционирование общественного и государственного механизма.

Кроме того, исходя из достаточно догматического (на сегодняшний день), подхода к приоритетности субъектов обеспечения безопасности, на различных (международном, конституционном, уголовно-правовом и т.д.) уровнях — известная триада «личность — общество — государство», можно отметить следующее. Преступные проявления (единичные преступные акты, формы преступной деятельности), включающие зарегистрированную и латентную составляющие преступности, выступают одновременно и потенциальной, и уже (к сожалению) реализованной угрозой и личности, и обществу, и государству. То есть, возможно не совсем корректно выражаясь, можно констатировать, что преступность «присутствует» во всех составляющих этой триады.

Кроме того, оперируя положениями российского уголовного закона, беря во внимание в том числе вопросы обеспечения национальной безопасности в более глобальном масштабе, представляется вполне обоснованным вести речь и том, что преступность представляет и реализует угрозу таким объектам как мир и безопасность человечества (Раздел XII УК РФ).

Поскольку преступность, в том числе, является одним из элементов предмета криминологической доктрины, можно согласиться с некоторыми авторами в том, что в рамках теории национальной безопасности, можно вести речь о криминологической безопасности, как определенной частной криминологической теории, выступающей важной составной частью национальной безопасности [13, с. 33].

Преступность, как объект криминологического изучения, может рассматриваться как достаточно динамичная и «подвижная» социальная подсистема. Система, которая весьма оперативно мимикрирует в новь складывающихся или объективно и субъективно видоизменяющихся экономических, политических, социокультурных сферах социальных отношений. Как и любая функциональная социальная система (подсистема), преступность будучи исторически изменчивым явлением, преступность проявляет себя в новых формах и видах, что в свою очередь требует ее осмысления как с позиций доктринального изучения, так и с позиций выстраивания предупредительных механизмов в контексте противодействия ей, включая целый комплекс организационных, правовых и т.д. компонентов.

В связи с вышесказанным, представляется, что не требует особой аргументации актуальность вопросов, связанных с анализом и необходимостью выстраивания социальных и государственных барьеров, фильтров, системы предупреждения преступности подрастающего поколения. Традиционно в криминологии выделяется такой вид преступности, как преступность несовершеннолетних. Подобного рода подход обоснован и формальным разделением объемов уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних и

совершеннолетних лиц, совершивших преступления (Раздел V УК РФ).

Тем не менее, в криминологической доктрине существуют подходы, которые предлагают рассматривать преступность подрастающего поколения в более расширенных возрастных границах. Так, например, мы можем встретить исследования, в которых авторы оперируют такими криминологическими категориями как «подростково-молодежная преступность», «молодежная преступность» [14]. Авторы, находясь в исследовательском формате, вполне аргументировано, но при этом весьма дискусионно, предлагают более широко рассматривать формальные (возрастные) границы преступности молодого поколения. Поколения, которое в настоящем времени или чуть отдаленном будущем, будет определять векторы развития общества и государства. Именно акцентуация внимания на проблемных вопросах предупреждения криминогенного потенциала идущего на смену поколения, требует максимально профессионального и обоснованного подходов в изучении этого объекта криминологических, социологических, психологических и т.д. исследований.

В рамках настоящей работы, мы в большей степени обратим внимание на нескольких аспектах.

Несмотря на достаточную разработанность полемичного характера, требует оценки определение границ подростково-молодежной преступности. Здесь в основном речь идет об определении возрастных границ, позволяющих в определенной степени определить предмет рассмотрения. По нашему мнению, представляется обоснованным вести речь о контингенте лиц, формально находящихся в возрастных границах от 14 до 25 лет. Нужно отметить, что подростково-

молодежной преступности, как определенному социальному феномену, по сравнению с преступностью несовершеннолетних, в контексте его изучения, уделяется не так много внимания. Тем не менее, в определенной мере претендуя на уровень частной криминологической теории, позволим себе умозаключение о том, что подростково-молодежная преступность может и должна рассматриваться в качестве самостоятельного объекта криминологического рассмотрения. В аргументацию подобной позиции мы закладываем результаты исследований в указанной сфере [15; 16]. Результаты, в том числе и исследований автора настоящей статьи, которые подтверждают следующее. По основным криминологически значимым параметрам личности (в том числе личности преступника) молодой человек первой четверти XXI века, формально находящийся в возрастных границах от 18 до 25 лет, не имеет кардинальных отличий от несовершеннолетнего, формально находящегося в возрастных границах от 14 до 18 лет. Речь идет о, позволяющих обобщить для двух этих возрастных групп, возрастных особенностях личности, особенностях социализации, специфике выполнения социальных ролей. Необходимо также отметить и такие обобщающие параметры как сформированность и иерархия системы потребностей, ценностно-ориентационные установки, нравственно-психологические характеристики, издержки взросления или социализации, все более получающий распространение инфантилизм и т.д.

Особого внимания заслуживает и анализ детерминационного блока рассматриваемого вида преступности. Многолетние наблюдения, анализ позволяют прийти к выводу о том, что и

причины, и условия совершения преступлений как несовершеннолетними, так и молодыми совершеннолетними (18–25 лет), кардинальным образом не трансформируются. Вне зависимости от временного исторического периода, социально-экономических условий жизни общества и государства, доминирующих идеологических установок, причины и условия (факторы) совершения преступлений представителями обеих возрастных групп остаются весьма «традиционными». И здесь речь конечно же идет об определенных издержках, деформациях, наблюдающихся в основополагающих институтах социализации — родительская семья, образовательные учреждения, культурологический и информационный фон и т.д.

В какой-то мере можно вести речь и об определенной «схожести» качественных, структурных характеристик преступности представителей рассматриваемых возрастных категорий. Вполне «традиционно» преобладают преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности. В этой связи неблагоприятными тенденциями характеризуется корыстная преступность, в контексте увеличения доли преступлений, ответственность за которые предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств).

Насильственные преступления характеризуются повышенным уровнем жестокости и, в определенной мере, цинизмом. Цинизмом, повышенный уровень которого получив достаточное распространение, детерминировал законодателя на усиление уголовно-правовой реакции. Например, это выразилось во включении в перечень обстоятельств, отягчающих наказание,

такого обстоятельства как «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ).² Данное обстоятельство, в качестве отягчающего и криминообразующего, получило закрепление и в некоторых составах Особенной части УК РФ — п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Определенную тревогу вызывает статистический рост числа регистрируемых преступлений (и, соответственно, вступивших в законную силу приговоров суда) против половой свободы и половой неприкосновенности личности, совершаемых как несовершеннолетними, так и чуть более формально старшими лицами (18–25 лет). Удельный вес этих преступлений имеет тенденцию к увеличению. При этом, нужно отметить, что подобные преступления ранее вообще были нехарактерны для структуры преступности, например, несовершеннолетних.

Все более актуализируется проблема вовлеченности несовершеннолетних и молодых совершеннолетних в преступные схемы, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Наблюдается положительная динамика (статистический рост) преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 228–229 УК РФ. Молодые люди и подростки все чаще привлекаются и осуждаются за совершение подобных преступлений в составе организованной группы или в совершении преступлений в крупном или особо крупном

размере (п. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ; ч. 5 ст. 228.1 УК РФ).

В последние годы, в том числе в связи с проведением Специальной военной операции, все большее распространение получают случаи фактического совершения (и реализации уголовной ответственности за их совершение) представителями рассматриваемых возрастных групп преступлений террористического, экстремистского, диверсионного характера. Преступления, которые влекут за собой не только попытки и угрозы общественной безопасности, подрыва основ конституционного строя и государственной безопасности (ст. 205–207 УК РФ; ст. 280–282.2 УК РФ), но и реальные человеческие жертвы, горе и боль потерпевших и их близких, повышение уровня тревожности и чувства незащищенности у населения, реальный имущественный ущерб и т.д.

Помимо вышесказанного, нужно отметить особенности формального реагирования со стороны государства на совершаемые представителями этих возрастных групп преступления, позволяющие констатировать определенную идентичность векторов уголовной политики в отношении двух возрастных групп (14–18 лет и 18–25 лет), которые мы объединяем в самостоятельный объект криминологического изучения — подростково-молодежную преступность.

Во-первых, учитывая положения актов международного права, участником которых является Российская Федерация, положения Конституции Российской Федерации, в целом позиционируя себя как цивилизованное государство, российский законодатель, ведомый, в том числе соображениями гуманности, менее карательно (не только на законодательном, но и на правоприменительном уровне) выстраивает уголовную

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 08 авг. 2024 № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

политику в отношении представителей молодого поколения, признанных виновными в совершении преступления. И, в первую очередь, это относится к несовершеннолетним. Так, в частности, в УК РФ есть Раздел V «Уголовная ответственность несовершеннолетних». Раздел, где формализуется более гуманное отношение к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте. В известной мере можно вести речь о менее карательной реакции государства и в отношении лиц, формально вышедших за границы несовершеннолетия. Мы можем обратиться, например, к ст. 96 УК РФ, которая устанавливает легальную возможность применять положения Главы 14 УК РФ (правда за некоторым исключением) к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет.

Во-вторых, несмотря на общепринятый и, находящий подтверждение на формальном и правоприменительном уровне, более «мягкий» подход в реализации объемов уголовной ответственности в отношении рассматриваемых категорий лиц, наблюдается и обратная ситуация. Здесь мы речь ведем о все более нарастающем «наказательном концепте». Это выражается как на уровне изменений и дополнений, вносимых в действующее уголовное законодательство, так и на уровне правоприменительной практики. Что касается первого, то нужно отметить достаточно большое количество изменений, в частности, понижающих, за некоторые составы преступлений, возраст уголовной ответственности с 16 до 14 лет. Так, например, первоначальная редакция ч. 2 ст. 20 УК РФ (1996 год) содержала 22 состава, где возраст привлечения к ответственности за их совершение составлял 14 лет. В дальнейшем федеральными законами от 6 июля

2016 г. № 375-ФЗ³ и от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ⁴ законодатель расширил перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ, включив еще 15 составов преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет. Говоря о более старшей группе (18–25 лет), можно отметить тенденцию ужесточения санкций за некоторые составы преступлений. Например, преступления террористического, диверсионного характера. Конечно, справедливо будет отметить, что эта тенденция имеет распространение практически на всех несовершеннолетних и, возможно, выделять в этом плане возрастную группу 18–25 лет не логично. Тем не менее, мы позволим себе подобное умозаключение, поскольку в основной своей массе, исходя из сегодняшних объективных реалий, подобного рода преступления, на уровне рядовых исполнителей, совершают молодые люди и девушки, как раз и находящиеся в рассматриваемых возрастных пределах.

Что касается второго, то представляется возможным констатировать наблюдаемый более «жесткий» подход со стороны правоприменителя при реализации мер уголовно-правового воздействия в отношении как несовершеннолетних, так и молодых людей в возрасте 18–25 лет. Например, это выражается в назначении достаточно «суровых» наказаний за совершение преступлений против половой свободы и неприкосновенности, преступлений в сфере

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 17 нояб. 2025 г. № 420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, преступлений террористического, диверсионного, экстремистского характера.

То есть, говоря о «наказательном концепте», можно сказать, что у одних (14–17 лет), наблюдается снижение возраста, у других (18–25 лет) повышение санкций за совершенные преступления. И все это происходит на фоне усиления карательной составляющей в правоприменительной практике.

В завершении хотелось бы отметить следующее.

Представляет ли подростково-молодежная преступность угрозу национальной безопасности? Думается, что ответ на этот вопрос очевиден. Да, подростково-молодежная преступность представляет серьезную угрозу и обществу и государству. Угрозу, которая, во-первых, реализуясь, имеет место быть здесь и сейчас. Например, наблюдается ухудшение качественных характеристик рассматриваемого вида преступности, на фоне ее положительной динамики. В частности, по данным МВД РФ количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, в 2025 году, по сравнению с 2024 годом выросло на 10%. Также можно отметить и рост преступлений террористического характера, совершенных молодыми людьми, находящимися в возрасте 18–25 лет.

Угрозу, которая объективно может реализоваться в ближайшем будущем. Несовершеннолетние и молодые совершеннолетние, представляют собой будущее нации, государства и т.д. Каким будет это будущее, зависит и от того, насколько общество и государство способны контролировать, предупреждать, профилировать преступность подрастающего и молодого поколения.

Необходим ли карательный подход? Ответ также неоднозначен. С одной стороны, мы понимаем общественную опасность тех преступлений, которые, к сожалению, все чаще совершают и несовершеннолетние и молодые совершеннолетние. С другой мы практически «теряем» значительную часть молодого поколения, выступающего в определенной мере человеческим потенциалом будущего страны.

Попытка ответа на этот вопрос, поиск баланса интересов в защите государства и общества от криминальных угроз, исходящих от криминализации подростков и молодежи, и защита самих подростков и молодежи от скатывания на путь совершения преступлений, требуют дальнейшего более глубокого изучения, в том числе через определения подростково-молодежной преступности в качестве не только самостоятельного объекта криминологического исследования, но и возможно, в качестве частной криминологической теории.

Список использованной литературы

1. Босхолов С.С. Основы теории национальной безопасности России : учеб. пособие : в 2 ч. / С.С. Босхолов. — Иркутск, 2020. — Ч. 2. — 418 с. — EDN GOFEQY.
2. Босхолов С.С. Угрозы национальной безопасности в сфере образования: политико-правовой и криминологический аспекты / С.С. Босхолов. — EDN NUXUBX // III Байкальский юридический форум : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 04–06 окт. 2023 г. — Иркутск, 2023. — С. 179–184.
3. Дербин Е.А. О духовных ценностях и предотвращении их деградации в условиях обеспечения информационной безопасности государства и общества в эпоху войн нового типа / Е.А. Дербин. — DOI 10.53816/20753608_2023_4_45. — EDN BBRUGR // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. — 2023. — № 4 (129). — С. 45–53.

4. Дербин Е.А. Система ценностей и информационная безопасность общества в хаосе глобализации / Е.А. Дербин. — EDN AGDRBO // Социотехнические и гуманитарные аспекты информационной безопасности : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., Пятигорск, 25–27 апр. 2024 г. — Пятигорск, 2024. — С. 76–86.

5. Жирнов О.Н. Духовный кризис как угроза безопасности общества: уроки истории / О.Н. Жирнов, А.Е. Комлев. — DOI 10.30853/mns20250072. — EDN OURMTI // Манускрипт. — 2025. — Т. 18, № 2. — С. 504–509.

6. Заливанский Б.В. Влияние цифровой аддикции на социальное здоровье молодежи / Б.В. Заливанский, Е.В. Самохвалова, Е.В. Мореева. — DOI 10.32687/0869-866X-2025-33-2-182-187. — EDN AFSXMQ // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2025. — Т. 33, № 2. — С. 182–187.

7. Колин К.К. Современный мир и стратегические приоритеты национальной и глобальной безопасности России / К.К. Колин. — DOI 10.22227/2311-1518.2025.4.12-20. — EDN ZUIBUS // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. — 2025. — № 4 (52). — С. 12–20.

8. Корягина С.А. Актуальные направления предупреждения незаконной миграции в фокусе миграционной политики в России на современном этапе / С.А. Корягина. — EDN GIKJEZ // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 1 (200). — С. 480–482.

9. Маркова М.Ф. Системный кризис человеческого капитала в сельской местности России: демографические вызовы и пути решения / М.Ф. Маркова. — EDN IWPQJX // Устойчивое развитие агропромышленного комплекса как основа продовольственной безопасности : сб. материалов III междунар. науч.-практ. конф., Смоленск, 04 дек. 2025 г. — Смоленск, 2025. — С. 247–254.

10. Сидорова Е.З. Приоритетные направления реализации стратегии криминологической безопасности образования / Е.З. Сидорова. — EDN RKNDQY // Евразийский юридический журнал. — 2026. — № 2 (213). — С. 470–472.

11. Степанова Т.Д. Экономическая безопасность России после 2022 года: технологический суверенитет и человеческий потенциал / Т.Д. Степанова — DOI 10.52210/0130-9757_2023_4_107. — EDN QUZGBJ // Российский экономический журнал. — 2023. — № 4. — С. 107–119.

12. Уткина Н.А. Деградация образования как одна из характеристик функционирования экономики информационного шума / Н.А. Уткина, А.Г. Фурин. — EDN GBRAZN // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2023. — № 10. — С. 87–89.

13. Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности / С.С. Босхолов. — DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30. — EDN WEAQIS // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 30–36.

14. Бабаев М.М. Молодежная преступность / М.М. Бабаев, М.С. Крутер. — Москва : Юрист, 2006. — EDN QWZTQV.

15. Нестеренко А.В. К вопросу о молодежной преступности и криминологическом портрете ее участников / А.В. Нестеренко. — EDN MEKUCI // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 8 (183). — С. 400–402.

16. Варыгин А.Н. Проблемы профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность / А.Н. Варыгин, О.В. Шляпкинова. — DOI 10.24420/KUI.2019.83.20.008. — EDN IDFADF // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (37). — С. 309–314.

References

1. Boskholov S.S. *Foundations of the Theory of National Security of Russia*. Irkutsk, 2020. Iss. 2. 418 p. EDN: GOFQY.

2. Bosholov S.S. Threats to National Security in the Sphere of Education: Political, Legal and Criminological Aspects. In *III Baikal Legal Forum. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, October 04-06, 2023*. Irkutsk, 2023, pp. 179–184. (In Russian). EDN: NUXUBX.

3. Derbin E.A. Spiritual Values and Their Degradation Prevention in State and Societies Information Security Ensuring in Wars of a New Type. *Izvestiya Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk = Proceedings of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences*, 2023, no. 4, pp. 45–53. (In Russian). EDN: BBRUGR. DOI: 10.53816/20753608_2023_4_45.

4. Derbin E.A. Value System and Information Security of the Society in the Chaos of Globalization. In *Sociotechnical and Humanitarian Aspects of Information Security. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Pyatigorsk, April 25-27, 2024*. Pyatigorsk, 2024, pp. 76–86. (In Russian). EDN: AGDRBO.

5. Zhirnov O.N., Komlev A.E. Spiritual Crisis as a Threat to the Security of Society: Lessons from History. *Manuskript = Manuscript*, 2025, vol. 18, no. 2, pp. 504–509. (In Russian). EDN: OURMTI. DOI: 10.30853/mns20250072.

6. Zalivanskiy B.V., Samokhvalova E.V., Moreeva E.V. The Impact of Digital Addiction on Social Health of the Youth. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2025, vol. 33, no. 2, pp. 182–187. (In Russian). EDN: AFSXMQ. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-2-182-187.

7. Kolin K.K. The Modern World and Strategic Priorities of National and Global Security in Russia. *Biosfernaya sovместimost': chelovek, region, tekhnologii = Biosphere Compatibility: Human, Region, Technology*, 2025, no. 4, pp. 10–20. (In Russian). EDN: ZUIBUS. DOI: 10.22227/2311-1518.2025.4.12-20.

8. Koryagina S.A. Current Trends in Preventing Illegal Migration in the Focus of Russia's Migration Policy at the Present Stage. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2025, no. 1, pp. 480–482. (In Russian). EDN: GIKJEZ.

9. Markova M.F. A Systemic Crisis of Human Capital in the Russian Countryside: Demographic Challenges and Possible Solutions. In *Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex as a Basis of Food Security. III International Scientific and Practical Conference, Smolensk, 04 December, 2025*. Smolensk, 2025, pp. 247–254. (In Russian). EDN: IWPQJX.

10. Sidorova E.Z. Priority Areas for the Implementation of the Criminological Security Strategy of Education. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2026, no. 2, pp. 470–472. (In Russian). EDN: RKND0Y.

11. Stepanova T.D. Economic Security of Russia After 2022: Technological Sovereignty and Human Potential. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2023, no. 4, pp. 107–119. (In Russian). EDN: QUZGBJ. DOI: 10.52210/0130-9757_2023_4_107.

12. Utkina N.A., Furin A.G. Degradation of Education as One of the Characteristics of the Functioning of the Information Noise Economy. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology*, 2023, no. 10, pp. 87–89. (In Russian). EDN: GBRAZN.

13. Boskholov S.S. Criminological Security as the Ideological Basis of the Theory and Practice of Counteracting Crime. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 30–36. (In Russian). EDN: WEA0IS. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30.

14. Babaev M.M., Kruter M.S. *Youth Crime*. Moscow, Yurist Publ., 2006. 382 p. EDN: QWZTQV.

15. Nesterenko A.V. On The Issue of Youth Crime and the Criminological Portrait of Its Participants. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2023, no. 8, pp. 400–402. (In Russian). EDN: MEKUCI.

16. Varygin A.N., Shlyapnikova O.V. Challenges of Preventive Influence on Adolescent and Youth Crime. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2019, no. 3, pp. 309–314. (In Russian). EDN: IDFADF. DOI: 10.24420/KUI.2019.83.20.008.

Информация об авторе

Сутурин Михаил Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, <https://orcid.org/0000-0001-5152-4566>, SPIN-код: 7301-1764.

Author Information

Suturin, Mikhail A. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5152-4566>, SPIN-Code: 7301-1764.

Поступила в редакцию / Received 03.05.26

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.06.26

Принята к публикации / Accepted 18.06.26

Дата онлайн-размещения / Available online 30.06.26